

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК (9 МАЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ)

Нет, не просто с фото в рамке
Влился в Полк Бессмертный я,—
Как отец, я тоже ранен
Злом фашистского зверья.

Вот иду среди портретов
Неживых уже людей,
Но живет на марше этом
Дух Победы и идей.

Хорошо, коль слезы рядом,—
Значит, память все жива.
Мне тепло соседних взглядов
Даже больше, чем слова.

Ложь, что *акция* проходит
В это время в городах,—
Нет, нас в Полк Бессмертный сводит
Память к тем, кто жил тогда.

Отстояли, окропили
Кровью тысячи дорог,
Воевали и любили
Кто как мог, но каждый смог.

Это нужно нам и детям —
Принести в Бессмертный Полк
И героев на портрете,
И знамен багряных шелк.

Кто-то грустно смотрит с фото,
Кто-то нам улыбку дарит,—
Здесь танкисты и пехота,
И раненья, и медали...

Завершится Марш Бессмертный —
Вы опять в дома вернетесь,
И, конечно, в День Победы
Снова с фото улыбнетесь.

БЕДНЯК

Я незаметно бедным стал.
Прожить на пенсию — проблемно.
Зато чиновничьи уста
Умеют сгладить эту тему.

Я сорок лет отдал труду,
Работал честно, бескорыстно,
А ныне в магазин иду,
Составив прежде скромный список.

Хлеб, молоко, картофель, зелень,
Куриных бедер пару штук,
Отказ от всяческого зелья —
Вот курс финансовых наук.

Квартплатный лист не знает меры,
Налоги давят там и тут,
А клан воров и лицемеров
Законов преступил черту.

Но я не упрекну Россию —
Она сама бедна, как я,
Коль мало в ней людей красивых —
Все больше трусов и гнилья.

Уже ушли, кто были честны,
Кто звались Родине сыны,
Кто обожал «Спартак» — не «Челси»,
Кто жил заботами страны...

И разве лучше быть богатым,
Иметь дома, счета, успех,
Носить самодовольства латы
И закрывать глаза на всех?

Жизнь в этом мире кратка, тленна.
Но всех превыше для меня
Не тот богач, кто в узах плена,
А верный Господу бедняк.

ИНТЕРНЕТ

Мой аккаунт снова кем-то взломан.
Атакуют вирусы веб-сайт.
Клики мыши не снимают злого
Хакерского выхода в офсайд.

Я в Рунете плаваю ночами,
Не стесняюсь выставить свой пост,
И мой домен с крепкими плечами
Уникален и совсем не прост.

В цифровой всемирной паутине
Так легко общаться и все знать!
Здесь дана возможность людям ныне
В гигабайтах мир запоминать...

Это технология пришельцев
Или хитрый дар от сатаны?
Те шаги, что сделал юзер Ельцин,
В путинские дни завершены.

Мы — рабы всесущего Инета,
Он — наш ум, учитель и кумир.
Эта виртуальная планета
Покорила весь наивный мир.

На помойках оказались книги,
Под угрозой прежние дела,
Облачились в интернет-вериги
Наши души, мысли и тела.

Победила мир сухая Цифра,
Все отныне в ней и для нее,
И теперь уже с приставкой «инфра»
Мы под этим куполом живем.

ВОЙНЫ

Автоматы не в меня стреляют
И орудий залпы — не по мне.
Понимаю разумом, что зря я
Так страдаю на чужой войне.

И когда вещают нам с экрана
О людских потерях и боях,
Я как будто получаю раны
И вбирает боли плоть моя.

Я умом бывал в горах Афгана,
Грозный брал в воюющей Чечне,
Побеждал с гранатой и наганом
Вражьи силы в страшном вязком сне.

Мне сжимали сердце чьи-то стоны,
Жажда мести мучила и жгла.
Панихид церковных перезвоны
Отпевали грустно жертвы зла.

Средь красот Пальмиры и Алеппо,
В разных точках стонущей земли
Воинства безжалостно и слепо
Рушат города и корабли.

Не бывает битвы без причины,
Но какой же верить стороне,
Если только сильные мужчины
Придают величие стране?

Почему истории страницы
Прославляют подвиги бойцов,
Не желавших думать и молиться,
И смотреть противнику в лицо?

Не народ развязывает войны.
Власть и деньги — вот цена борьбы.
И идут на белом свете бойни,
Заглушая разума мольбы.

Вот и я молю о мире Бога
В скорбный час, частенько по ночам,
Чтобы сильный слабого не трогал
И не разжигал войны очаг.

МЫ ЕЩЕ ПОЖИВЕМ

(Алексею Илюхину)

Мы еще проживем,
мой седой одноклассник Алешка.
Мы еще удивим
живым словом компьютерный век.
Нам бы только здоровья —
хотя бы немножко,
да поддержки Господней,
которою жив человек.

Знаешь, друг мой Алеша,
в чем сила терпенья,
без которой, пожалуй, уже не прожить? —
В нашей нежности,
в наших духовных молениях,
возводящих
на главные рубежи.

Бьют куранты уже.
Тихо колокол слышен.
Под ногами листва
нам о чем-то шуршит...
Слава Богу, что дух наш
не сломлен, не выжжен
и с годами сильнее движенья души.

Помнишь школьный тот вальс,
уносящийся в своды спортзала,
и последний звонок,
нежной трелью тревоживший нас?
Наша юность тогда
свое пылкое слово сказала
и тебя стать врачом позвала,
а меня — на Парнас.

Сколько лет с той поры
пролетело, мой милый Алеша!
Лучше их не считать,
чтобы грусть не рождалась в душе.
Пусть мы стали с тобою
степенней и строже —
это значит, что мудрость
сумели познать мы уже.

Мы еще проживем,
мы еще эту мудрость раздарим,
чтобы память о нас
на земле этой скорбной жила.
Память — это, мой друг,

поважней, чем медали.
Память, Леша, есть
лучшие наши дела.

Мы еще поживем,
изольем свои чувства о маме.
Ты опять чьи-то жизни
спасешь из смертельной неволи.
Мы — частичка России,
в которой веками
кто-то болен стихами,
а кто-то призыванием болен.

Мы не сядем с тобой
на скамейках у грязных подъездов
и не станем ворчать
на проблемы и слабую власть,—
есть надежда увидеть
небесные бездны
и в обители
Вечного Бога попасть.

Только б мне и тебе
не ослабиться в вере,
только б нам сохранить
эту веру в душе.
Мы не будем годами
жизнь прошедшую мерить
и страшиться глубин
похоронных траншей.

Мы еще поживем,
дорогой одноклассник,
в синеве тех миров,
где главенствует Дух.
Истин суть — не в земной,
а в Божественной власти,
замыкающей суетный
жизненный круг.

СТАНЦИЯ «ТАРУССКАЯ»

На станции выйду «Тарусская» —
Меж Тулой и древней Москвой.
Обычная станция — русская,
С людьми, тишиной и листвою.

Промчится состав вдоль перрона
И скроется за поворотом,—
И вот уже манит природа,
Зовет к своим русским щедротам.

Ока здесь раскинула плесы,
Строптивно Вашана течет.
Березы, березы, березы —
Никто и не знает им счет.

По тропкам лесным Велегожа
Бродили когда-то и вы.
И я любовался здесь тоже
Пареньем осенней листвы.

А в старой усадьбе Борóка
Поленовский гений сумел
С евангельской силой пророка
Картины создать без плевел.

Он славил Христовы законы
И красками грешниц прощал,
А дворик московский знакомым
В картине своей завещал...

Здесь Болотов жил и работал.
Отсюда ушел на «Варяг»
Сын лучший российского флота,
Не сдавшихся в трудных боях.

И Руднева гордое имя,
Отринув могилу глубин,
Живет и поныне с живыми
У нас и на землях чужбин...

Я снова стою на «Тарусской».
Вагон. Стук колес. Бег холмов.
Как много в истории русской
Великих сердец и умов!

Мы с жизненных сходим дистанций,
Но каждый виток бытия
Есть путь мимо маленьких станций,
В которых Россия моя.

ПСИХУШКА

Ко мне опять спешит сестричка Зина
и, чтобы я буянить перестал,
безжалостно шприцы аминазина
ширяет мне в интимные места.

Хохочет Витя на соседней койке,
а Ваня в угол от сестры залез —
он хоть не псих, а лишь пропойца горький,
но и в него, видать, вселился бес...

И вот я сплю. Надежно, двое суток,
весь утопаю в черно-белых снах,
где время измеряется в минутах,
которым тоже есть своя цена.

То я лечу, то вдруг тону в болоте.
Мне снятся те, кого я и не знал,
а лучший друг и кореш мой Володя
все чистит снег и ищет, где весна...

Очнулся. Ночь. Огромная палата.
Смех. Чьи-то стоны, выкрики и плач.
И запах, извините, здесь — не ладан,
и ангел в белом — это строгий врач.

Сквозь тусклый свет я вижу, как в тумане,
а в голове взрывается напалм...
Я обещал не пить любимой маме,
но вновь сюда по слабости попал.

И не пойму, какая боль сильнее:
та, что в висках похмельной головы,
или в душе, которая немеет
от угрызений и людской молвы?..

Как много, Русь, лежит в твоих палатах
людей, пропивших деньги, ум и жизнь!
Как много тех, к кому пришла расплата,
кто у креста могильного лежит!

И от веселья пьяного все хуже
становится стране, семье и мне...
Услышите стон запрятанных психушек,
по крыши утопающих в вине!

Я БОЛЕН

Я болен нежностью к тебе:
Когда глаза твои увижу,
То забываю о себе
И только лишь любовью движим.

Я болен милостью к «бомжам»,
Бродящим хмуρο и устало,
И мне всегда бывает жаль
Их преждевременную старость.

Я болен страхом умереть
Больным и немощным в постели,
Когда воспримут мою смерть
Обычной жизненной потерей.

Я болен трезвостью ума,
Способного в моей России
Увидеть сквозь разгул и мат
Величие души и силы.

Я болен лесом и весной,
Рекой, поляной и холмами.
Я радуюсь, когда со мной
Есть мысли об ушедшей маме.

Я болен верою в Христа,
И мне лекарствами — моленья...
Быть может, я живу не так
И ни к чему стихотворенья?

Я болен запахом травы,
Хорошим словом, теплым взглядом.
Мне дорог купол синевы
И храма купол — тот, что рядом.

Мне не мешает в тишине
Призывный колокола звук...
Я болен всем, что близко мне.
Я болен. Этим и живу.

